

Н. М. Моллеров

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ ДОГОВОР 1924 г. (ИТОГИ КЫЗЫЛСКОЙ ТРОЙСТВЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Выдвинутый в программе РКП(б) принцип самоопределения (понимаемый не иначе как «право наций на государственное отделение») применительно к ситуации в Китае стал трактоваться по-другому. В соответствии с указанием президиума исполкома Коминтерна он интерпретировался как построение федеративной республики, «состоящей из народностей бывшей Китайской империи»¹. С победой китайской революции и созданием такой республики советское руководство связывало окончательное решение «монгольского» и «урянского» вопросов.

Между тем панмонголисты, ратуя за расширение Внешней Монголии путем присоединения к ней Внутренней Монголии, Барги, Бурятии и Тувы, серьезно препятствовали сближению позиций СССР с Китаем. Ведь тогда даже наиболее лояльный к Советской России китайский политик, лидер Гоминьдана Сунь Ятсен, выступал за «сплавнение» ханьцев, маньчжуров, монголов, тибетцев и мусульман «в единую китайскую нацию» («чжунхуа миньцзу»). К идее федеративного устройства Китая «на основе добровольного союза всех национальностей, обладающих правом самоопределения»², он начал склоняться позднее (см. Манифест I конгресса Гоминьдана в 1924 г.). А наиболее последовательное выражение она получила в национальной программе коммунистической партии Китая.

Кроме того, к советскому руководству пришло осознание, что уступки панмонголистам потворствовали и сепаратизму внутри страны. Так, на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) осенью 1922 г. в докладе о работе ойратской областной партийной организации «была отмечена тенденция некоторых товарищей... к расширению пределов Ойратской автономной области путем слияния с ойратскими народностями, живущими вне пределов РСФСР, как то в Урянхае»³. Эта линия была признана Сиббюро ЦК РКП(б) ошибочной, и Ойратскому обкому была дана совершенно опеределенная директива: «Ойратская область только в пределах РСФСР»⁴.

В конце 1922 г. в Политбюро ЦК РКП(б) рассматривалось предложение А.А. Иоффе и поддержавшего его Л.М. Карахана пойти на вынужден-

ную уступку Китаю в монгольском вопросе. Свою позицию они аргументировали исходя из приоритетности отношений с Китаем в дальневосточной политике Советского государства. Они также доказывали, что отделение Монголии от Китая тормозило развитие революционного движения в Китайской республике, а значит, и мировой революции. Советское руководство, признав приведенные доводы убедительными и учитывая, что отказ от Монголии де-юре отнюдь не исключал укрепления советско-монгольских отношений де-факто, с этими доводами согласилось⁵.

В контексте принятого решения было пересмотрено отношение к Туве. Ей настолько предстояло оформить и укрепить свою независимость, чтобы она могла, в случае фактического вхождения Монголии в состав Китая, принять на себя роль буфера между Китаем и СССР⁶. В своем отчете в Коминтерн от 1 февраля 1929 г. представитель КИМ В. Мачавариани писал: «В договоре 1924 г. с Китаем, мы оговорили, что Туву, так же как и Монголию, считаем одной из частей китайской территории, но оставляем за собой право самостоятельной политики по отношению к этим республикам до установления нормального положения внутри Китая. Отсюда политика СССР должна была заключаться в том, чтобы ко времени «нормализации» Китая, если таковая когда-нибудь наступит, противопоставить ей самостоятельную, экономически, политически и культурно окрепшую республику, которая сама будет заявлять о своих правах»⁷.

Несомненно, заключение советско-китайского договора в дальнейшем способствовало ухудшению позиций панмонголистов и ослабило их давление на Туву. Но там уже разразилось созревшее в прежних условиях антигосударственное вооруженное восстание, охватившее район Хемчика (весна 1924). Разная оценка советским и монгольским руководством хемчикских событий стала причиной для обоюдных резких заявлений. Началом им было положено нотой правительства Монголии в адрес НКВД СССР от 13 мая 1924 г. В ней осуждалась внутренняя политика тувинского правительства, высказывалось намерение взять повстанцев и весь тувинский народ под защиту. В связи с этим глава советского внешнеполитического ведомства Г.В. Чичерин предупредил монгольского посланника в Москве, что правительство СССР не намерено поддерживать контрреволюционные действия на Хемчике. В письменном ответе на монгольскую ноту он сообщил, что, ввиду сложности положения в Туве, советское правительство решило направить туда комиссию ЦИК СССР. Монгольской стороне он предложил также направить своего представителя, который приступит к расследованию вопроса о поддержке властями Северо-Западной Монголии тувинских повстанцев.

28 мая 1924 г. советский консул в Туве Ф.Г. Фальский по просьбе Г.В. Чичерина ознакомил тувинскую сторону с его устным заявлением монгольскому полпреду⁸. В начале июня 1924 г. советский консул в Туве направил на имя министра иностранных дел Тувы Сояна Оруйгу ноту с уведомлением: «Считаю своим приятным долгом известить Почтенное Правительство, что 31-го мая подписано Нашим и Китайским Правительствами соглашение о возобновлении дипломатических отношений между СССР и Китаем»⁹. Значение договора для Тувы в ноте никак не комментировалось. Вместе с тем, как выше отмечалось, урегулирование отношений с Китаем позволило советскому руководству по-новому взглянуть на урянхайский вопрос. Выбор главой советской делегации недавнего советника полпредства СССР в Китае Я.Х. Давтяна, с учетом этого обстоятельства, тоже не был случаен. В ходе хемчикских событий советская сторона твердо и открыто поддержала сторонников государственной независимости Тувы.

Поскольку хемчикские события переросли рамки внутреннего конфликта, было принято решение о созыве в июле 1924 г. тройственной конференции представителей СССР, Монголии и Тувы. В начале июля 1924 г. в Кызыл прибыла и приступила к работе по изучению ситуации комиссия ЦИК СССР. С 24 июля 1924 г. начала работу делегация монгольского правительства, которую возглавлял военный министр и герой освобождения от китайцев г. Кобдо в 1911 г. Хатан-Батор Максаржав. Ему также было поручено проверить правомерность действий кобдоского сайга Гомбоитшина в связи с хемчикскими событиями.

В отношении тувинского правительства Х.-Б. Максаржав поначалу занял позицию игнорирования¹⁰. Выяснение причин восстания он хотел вести без участия представителей тувинских властей, а ликвидацию очага восстания представлял как разоружение обеих сторон – и мятежников, и правительственных войск. По вопросу о присоединении он предлагал в атмосфере еще неостывшего военного очага провести в Туве плебисцит. Все эти предложения Я.Х. Давтян в ходе двустороннего обмена мнениями сумел дипломатично отвести. Через советского консула в Туве он также дал Х.-Б. Максаржаву понять, что во избежание «неловкого положения»¹¹ следует нанести визит тувинскому правительству, а затем убедил его в целесообразности рассмотрения причин и обстоятельств мятежа на совместном с тувинским правительством совещании.

Летом 1924 г. в Кызыле прошла тройственная конференция, в ходе которой было мирным путем погашено антигосударственное выступление на Хемчике. Накануне отъезда, 15 августа 1924 г., советская и монгольская делегации направили в адрес тувинского правительства совместное заявление, сопроводив его просьбой «довести до сведения всего Танну-Тувинского народа»¹². В этом документе монгольская сторона

признала необоснованность целого ряда заявлений, которыми ранее аргументировалась необходимость объединения Тувы с Монголией. Отмечалось, что пока этот вопрос поднимать преждевременно. Тувинский народ должен сначала укрепить свою государственность, чему Монголия и СССР обязались помогать, не вмешиваясь во внутренние дела¹³.

Комиссия ЦИК СССР оставила советским работникам в Туве письменную инструкцию, в которой предостерегала их от работы чисто коммунистическими методами без учета состояния традиционного тувинского общества¹⁴. Политическую работу им предписывалось вести путем вовлечения тувинской бедноты в государственную и партийную жизнь, разъяснения «принципов национальной политики СССР в отношении угнетенных народов Востока»¹⁵. Советникам и инструкторам давался наказ твердо помнить, «что они являются лишь техническими работниками и власти не имеют и не должны иметь»¹⁶. На ход событий они могли влиять главным образом путем советов, не стремясь к открытой, публичной работе.

Важным итогом работы комиссии ЦИК СССР стал новый взгляд на вопрос об арендной плате советских колонистов в Туве за землю. Советский консул Ф. Г. Фальский, ссылаясь на ее указание, на закрытом заседании райбюро РКП(б) 27 августа 1924 г. заявил: «...Мы должны идти на уступки, так как интересы СССР должны быть выше интересов отдельного колониста. ...Наши уступки могут привести к осложнениям в колонии, но мы, помня интересы СССР, должны проводить эту линию»¹⁷.

В политическом докладе Я.Х. Давтяна в адрес Политбюро ЦК РКП(б) от 2 сентября 1924 г. в разделе «Отношения с СССР» отмечалось, что влияние советской стороны на работу тувинского правительства «очень большое»¹⁸. Одной из причин такого успеха он назвал оказываемую Туве помощь, тогда как монголы избрали неверную тактику игнорирования тувинского правительства с целью «восстановить прежнюю подчиненность»¹⁹.

В разделе доклада «Отношения с Монголией» были приведены многочисленные факты сепаратных попыток панмонголистов присоединить Туву и содействия этому со стороны тувинских монголофилов. «Посылаются эмиссары в обе стороны (в СССР и Монголию. – Н. М.), – отмечал Я.Х. Давтян, – пишутся всякие письма якобы “от имени всего народа” того или иного хошуна (преимущественно Кемчикского), в которых “народ” жалуется на притеснения и просит присоединить Урянхай к Монголии»²⁰. По его мнению, «твердая позиция» комиссии ЦИК СССР надолго удержала монгольскую сторону от сепаратных действий в отношении Тувы. Эта уверенность, писал он, подкрепляется еще и тем обстоятельством, что «Монголия нуждается в нас для урегулирования отношений с Китаем»²¹. Но его, казалось бы, безупречный с позиций логи-

ки прогноз не оправдался. От попыток присоединить Туву Монголия не отказывалась еще долго.

Результаты конференции позволили Туве серьезно продвинуться по пути государственной самостоятельности. На II Великом хурале ТНР (1924) с приветствиями к делегатам обратились советский консул и представитель МНР. Ф.Г. Фальский в своем выступлении подчеркнул акцентировал внимание на независимости Тувы²². Делегаты осудили монголофильское влияние в правительстве и руководстве революционной партии. Из состава правительства были выведены наиболее активные монголофилы. На решение делегатов об отстранении от поста главы правительства Буяна-Бадыргы повлияло письмо бывшего министра юстиции Тувы Соднам-Бальчира, в котором он называл Буяна-Бадыргы тайным вдохновителем и организатором восстания²³. Премьер-министром тувинского правительства и министром иностранных дел был избран Соян Оруйгу. Новый состав правительства решил работать в направлении развития самых дружественных и лояльных взаимоотношений как с советским, так и с монгольским государствами²⁴.

Итак, после заключения советско-китайского договора 31 мая 1924 г. чаша весов в урянхайском вопросе качнулась в сторону укрепления самостоятельности тувинского государства. На Кызылской тройственной конференции Тува впервые как одна из равноправных сторон принимала участие в решении собственной судьбы. Был проложен путь к правовому оформлению государственной самостоятельности (оно произошло в 1925–1926 гг.). Но за всем этим, ввиду сложности международного положения и сильных монголофильских позиций в Туве, полной ясности не было. Более того, спустя четыре с половиной года полпред СССР в ТНР А. Г. Старков утверждал, что «ориентация СССР на объединение Тувы с Монголией на федеративных началах»²⁵ в перспективе и после тройственной конференции надолго сохранилась.

¹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы, 1920–1925. Т. 1. М., 1994. С. 310.

² *Богословский В.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949) / В.А. Богословский, А.А. Москалев. М., 1984. С. 24, 226.

³ Известия Сиббюро. 1922. № 55, 1 нояб. С. 47.

⁴ Там же.

⁵ *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999. С. 103–104.

⁶ См.: *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. С. 153–154.

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 35. Л. 2.

-
- ⁸ ЦГА РТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.
- ⁹ Там же. Л. 36.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 1. Л. 19.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ЦГА РТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.
- ¹³ АВП РФ. Ф. Референтура по Туве. Оп. 6. Д. 11. П. 3. Л. 8.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 1. Л. 26–27.
- ¹⁵ Там же. Л. 27.
- ¹⁶ Там же. Л. 27–28.
- ¹⁷ ЦАДООП ЦГА РТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37. Л. 104.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 1. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Л. 8–9.
- ²⁰ Там же. Л. 11.
- ²¹ Там же. Л. 11-1.
- ²² РФ ТИГИ. Д. 420. Гл. 7, разд. 22. С. 11.
- ²³ ЦАДООП ЦГА РТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37. Л. 55–56.
- ²⁴ См.: АВП РФ. Фф. Референтура по Туве. Оп. 10. Д. 8. П. 5. Л. 7; *Аранчын Ю.Л. Исторический путь...* С. 131; РФ ТИГИ, Д. 420. Гл. 7, разд. 22. С. 14.
- ²⁵ ЦГА РТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.